

Сюй Бэйцзин сделал глубокий вдох и изо всех сил постарался изобразить улыбку: "Спасибо за напиток...".

"Не улыбайся."

Сюй Бэйцзин удивленно спросил: "Что?".

"Не улыбайся", - ответил Линь Цинь глубоким тоном, объясняя: "Когда не хочешь улыбаться, то и не надо".

Сюй Бэйцзин на мгновение замолчал, потом вздохнул и сказал: "Знаешь, Линь Цинь...".

Линь Цинь наклонил голову в ответ.

"Если ты действительно хочешь сразиться со мной, то тебе придется вести себя гораздо более грубо, чем сейчас".

Линь Цинь, кажется, задумался, потом приложил некоторые усилия, чтобы сформировать выражение, которое, по его мнению, лучше всего подходит к слову "грубый", и спросил: "Это сработает?".

Сюй Бэйцзин так развеселился, что сказал: "Это выглядит очень мило".

Линь Цинь нахмурился, глядя на Сюй Бэйцзина, и сказал: "Не называй меня "милым"".

Сюй Бэйцзин понял намек и кивнул, пообещав: "Хорошо, больше не буду".

Линь Цинь "..."

Он не чувствовал в этих словах ни капли искренности.

Линь Цинь впервые в жизни почувствовал легкое беспокойство по поводу собственного внешнего вида.

После того, как он принес корзинку с напитками, она уже не была такой полной, а около мусорного ведра образовалась небольшая кучка. Линь Цинь, словно одержимый призраком, одну за другой аккуратно расставлял банки с напитками на прилавке книжного магазина Сюй Бэйцзина.

Затем он уверенно заявил: "Я все запомнил. Теперь я буду давать тебе это".

Сюй Бэйцзин как будто хотел что-то сказать, но не сказал.

Линь Цинь посмотрел на него, а потом сказал: "Просто скажи, если хочешь".

Сюй Бэйцзин сказал ему: "Даже если ты дашь мне все эти напитки, я не буду с тобой драться".

Линь Цинь "..."

Он выглядел так, будто мог взорваться в любой момент.

Поэтому Сюй Бэйцзин тоже спросил себя, да, он не должен был этого говорить. Почему Линь Цинь подтолкнул его к этому вопросу?

В конце концов, Линь Цинь вздохнул и сказал недружелюбным тоном: "Это твое дело".

Сюй Бэйцзин удивился.

Линь Цинь продолжил: "Я бы не стал заставлять тебя драться со мной".

Сюй Бэйцзин на мгновение задумался и медленно кивнул.

Он не мог не чувствовать себя немного виноватым. Призывы и откровенность Линь Циня заставили Сюй Бэйцзина немного устыдиться.

Но все эти разговоры о насилии, особенно об одностороннем насилии Линь Циня, заставляют Сюй Бэйцзина терзаться вопросом, сможет ли он освободиться от этого только после сильного избиения Линь Цинем.

Он устало вздохнул.

Затем протянул Линь Циню банку персиковой газировки.

Линь Цинь недоуменно спросил: "Что?".

Сюй Бэйцзин ответил: "Попробуй. Как только кошмар закончится, все исчезнет".

Линь Цинь на мгновение застыл на месте и взял банку с напитком. Он осмотрел ее еще немного, а затем сказал: "Мне не нужно, чтобы ты меня подбадривал".

"... Что?"

"Ты сам это сказал. Когда у тебя плохое настроение, ты пьешь этот сладкий напиток, - сказал Линь Цинь, - тебе не нужно меня подбадривать. Я уже привык, что ты мне отказываешь. Я буду раздражаться, но ты не обязан давать мне то, что тебе нравится".

Его тону присуща искренность и прямота - ведь он говорил именно то, что думал.

Ему всегда скучно, он зол или раздражен, но эта банка персиковой газировки - то, что нравится Сюй Бэйцзину. Ему не нужно, чтобы Сюй Бэйцзин давал ему то, что ему нравится, только для того, чтобы подбодрить его.

Точно так же он не будет заставлять Сюй Бэйцзина драться.

Даже если он хотел бы сразиться с Сюй Бэйцзином.

Человек, о котором шла речь, тоже это понимал и был поражен тем, насколько прост характер Линь Циня.

Он улыбнулся и задал вопрос: "Разве это не нормально - делиться с другом напитками, которые мне нравятся?"

Линь Цинь явно не ожидал такого ответа. Он пробормотал про себя: "О... так вот что это было?".

"Да", - продолжая улыбаться, ответил Сюй Бэйцзин, - "я думаю, что вкус у него хороший, поэтому я хочу, чтобы ты тоже попробовал".

Линь Цинь задумался, а потом его упрощенный мозг подсказал ему четкую логическую цепочку. Он сказал: "Мы друзья. Мне нравится драться. Друзья делятся друг с другом тем, что им нравится. Так что..."

Сюй Бэйцзин тут же добавил: "Никаких драк".

Линь Цинь крепко сжал банку, сказав: "... о".

Он вернулся и сел у входа в книжный магазин.

... Друзья делятся тем, что им нравится? Ха. Сюй Бэйцзин солгал ему.

Из-за плохого настроения его взгляд медленно переместился на банку с газировкой. Затем,

недолго думая, он открыл ее и сделал глоток.

... Это действительно сладко.

Хотя, возможно, его настроение улучшилось. Возможно.

Смущенный, он думал о том, что Сюй Бэйцзин не солгал ему об этом.

Тем временем наш лжец уже сел обратно за стойку, а его разум наполнился ощущением фарса. Ему также интересно, понял ли Линь Цинь, что смысл этого заявления в "друзьях", а не в том, что он заметил.

В башне 'друзья' действительно в дефиците.

Линь Цинь вовсе не отрицал это утверждение. Сюй Бэйцзин почувствовал себя немного счастливым.

Хотя...

Сюй Бэйцзин сейчас размышлял над другим вопросом. Почему мысли Линь Циня были такими упрощенными?

Однако он явно не обделен интеллектом. Его мир прост, его обычной привычкой может быть только злоупотребление своим мастерством, чтобы решить все, что угодно, что для всех остальных выглядит безумием, но он определенно и умный, и честный человек.

В каком-то смысле это гораздо лучше, чем те темпераментные миссионеры со всеми сложными отношениями между ними.

... И да, он имел в виду именно эту кучку миссионеров, которые в настоящее время видны в камере потока. Опять.

Сюй Бэйцзин тихо вздохнул.

Возможно, он уже привык к тому, что миссионеры решают все спорами.

Когда-то, когда он был статистом, он был просто фоновой декорацией в книжных магазинах. Он не знал, что делают миссионеры. Однако после этих двух кошмаров, когда он мог наблюдать за тем, как миссионеры на самом деле работают над решением кошмара, он мог только посочувствовать.

Та благодать, которую дает таинственность неизвестности, уже давно исчезла.

На этот раз спорный момент касался разговора с кассиром.

Ранее, когда они взяли мальчика с собой к кассиру в супермаркете, он выглядел странно.

"Ты знаешь, кто это?" спросил Лаосан, взяв в руки кий.

Дай Ву нерешительно кивнул, ответив: "Знаю. Это ребенок... тот выживший ребенок", и тихо добавил: "Жалко, правда...".

"Мы привезли его сюда, но разве вам не интересно, где мы его нашли?"

Это был вопрос, который Му Цзяши задал с ловушкой. До этого Эгоист и Козел отпущения утверждали, что они почти получили важную информацию от Дай Ву.

Однако по их действиям было ясно, что у них определенно был какой-то план и, скорее всего, они добыли ключевую информацию. Поэтому то, что кассир рассказал им о последнем запуске кошмара, стало чрезвычайно важным.

Му Цзяши также знал, что лицо Козла отпущения изменилось, когда Дай Ву сказал, что мальчик пропал. Поэтому на этот раз он задал вопрос о местонахождении мальчика кассиру.

Действительно ли он ничего не знает?

Какую роль играет этот кассир в этом кошмаре?

Хотя Му Цзяши и не знал, что жители башни являются актерами, но его ум случайно вспомнил слово "актер".

Он не знал, что Дай Ву имеет уровень актера 'Побочный персонаж', но он правильно понял, что это важный персонаж.

И Дай Ву соответствовал этому уровню своими блестящими актерскими способностями - совсем не похожими на ленивую соленую рыбу, известную как Сюй Бэйцзин.

Он сделал любопытное выражение лица и спросил: "Конечно, никто не знает, куда делся этот мальчик. Где вы его нашли?"

Когда он спросил это, выражение лица Козла отпущения снова исказилось. Он нахмурился. Он выглядел так, словно хотел что-то сказать.

Лаосан все это время наблюдал за ним и не мог не думать, что этот парень ведет себя очень... он уже даже не знал, плохо это или хорошо. Он практически открыто намекал им, что то, что сказал кассир, было каким-то странным.

Хотя, как это было странно?

Но прежде чем он успел подумать об этом, Эгоист снова холодно высмеял их: "Вы действительно кучка безмозглых отбросов, не так ли? Все еще подозреваете меня вместо того, чтобы подумать о правде и концовке этого кошмара?"

"Может, заткнетесь, мать вашу?!" резко сказал Лаода, продолжая: "Если бы башня позволила нам убивать друг друга, ты был бы первым в моем списке!".

Эгоист ответил: "Жаль, что ты не можешь, и что? Хахаха."

Эрге пробормотал: "Это ни к чему не приведет".

Козел отпущения сдержанно кивнул.

Среди хаоса, когда Сюй Бэйцзин настроился на разговор, они вдруг услышали, как мальчик заговорил, все еще звуча так, будто вот-вот заплачет.

"Этот большой геге", - мальчик, который оказался перед кассой неизвестно когда, расширенными глазами уставился на кассира, говоря: "Я помню. Я видел вас".

<http://bllate.org/book/16079/1438225>